

Д.Я. Майдачевский

НИТЬ АРИАДНЫ ИСТОРИКА Н.А. РОЖКОВА

Имя русского историка конца XIX–начала XX в. Николая Александровича Рожкова (1868–1927), очищенное от идеологических «клеим», обвинений в «подмене марксизма либерализмом» и «буржуазном экономизме», стало возвращаться в отечественную историческую науку еще в 90-е гг. минувшего столетия. «Очерки истории отечественной исторической науки XX века» уже именуют его «выдающимся историком», закрепляя за ним законное место в «московской школе русских историков», в ряду блистательных учеников В.О. Ключевского¹. Однако лишь на исходе первого десятилетия XXI в. историк удостоился переиздания своих работ: в «Библиотеке отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» увидел свет сборник избранных трудов ученого².

Отмечая факт первого посмертного переиздания сочинений Н.А. Рожкова³ как долгожданное и отрадное историко-научное событие, нельзя не обратить внимания на некоторые особенности издания, бросающиеся в глаза при знакомстве с составом сборника и предпосланной ему обширной вступительной статьей. Быть может, и отвечающие поставленной «Библиотекой...» задаче знакомства читателей с достижениями отечественной общественной мысли, они, по нашему мнению, препятствуют актуализации творческого наследия историка, прежде всего, именно исторической наукой, предлагая не только излишне широкий, но и предельно политизированный взгляд на него. Да и трудно ожидать иного взгляда от автора и составителя сборника, многие годы плодотворно изучающего именно политическую, революционную деятельность своего героя. Констатирующий в итоге своих изысканий факт автономного развития его политических и научных (исторических) представлений⁴, он вынужден был осуществить чисто механическое обособление подробнейшей «политической биографии» Рожкова от краткого, схематическо-

го изложения его «историко-социологической концепции», существующей совершенно независимо от своего творца.

Наследие Н.А. Рожкова остро нуждается в возвращении на предметное поле историографии исторического знания, что требует его рассмотрения не сквозь призму политических пристрастий или партийной принадлежности автора, а в предельно индивидуализированном своеобразии его творчества, в реконструкции взглядов и идей в тесном единстве с контекстом эпохи, с конкретными условиями производства знания. Ведущим, как представляется, должно стать дисциплинарно фокусированное изучение его интеллектуальной активности в каждый из периодов жизни и деятельности. Исключением не должен стать и сибирский период, который представлен лишь в «биографической» части вступительной статьи (но не при разборе его «историко-социологической концепции» и публикуемыми текстами), да и то фактами «отхода от большевиков», активного сотрудничества с местными периодическими изданиями социал-демократической направленности.

Его научная деятельность сведена фактически к «накоплению материала для будущих трудов»⁵. Подобный подход — продолжение линии прежней историографии, полагавшей, что политическая активность историка, заставившая «обратиться к широкого свойства компиляциям», привела к получению «не совсем научно-интересных» (В.Н. Сторожев) результатов. Между тем, научные искания тех лет, воплотившиеся в статье «К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века» (в отличие от газетных публикаций политической направленности даже не упоминаемой этим изданием), — стали закономерным этапом в развитии его оригинальной историко-экономической концепции, предпосылкой появления новых проблемных областей, «зародышем» будущих исследовательских проектов в этой отрасли знания.

* * *

К моменту своей высылки на поселение в Сибирь, в первые годы XX столетия, благодаря активной научной и преподавательской деятельности Н.А. Рожков снискал авторитет ведуще-

го специалиста в области экономической истории. Начало его изысканиям в этой области было положено работой над книгой «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке» (М., 1899), которая легла в основу магистерской диссертации. В отличие от большинства своих коллег по «цеху», которые только отмечали в своих работах возросший интерес к исторической статистике и предполагали возможность получения с ее помощью в будущем важных для экономической истории выводов, или сводили задачу историка к подбору фактического материала, оставляя за экономистом задачу его анализа, Н.А. Рожков фактически одним из первых отказался от иллюстративного метода использования статистического материала, попытался соединить в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их.

Несмотря на ряд серьезных и справедливых замечаний, высказанных рецензентами в адрес приемов обработки статистических материалов, какие использовал в своей работе Рожков, последняя заняла прочное место в ряду «историко-статистических» исследований. Она выполняла функцию своеобразного «пробного камня» или ориентира, позволяющего квалифицировать их с точки зрения «тех методологических путей, которых должен держаться историк, работающий над цифровым материалом»⁶. По одну его сторону разместились исследования, реализовавшие «чисто исторический» подход, для которого характерно лишь «цифровое изображение фактов». По другую же — работы «чисто статистического» направления. Критика подхода, использующего «математические критерии», применение которых всегда предполагает наличие «прочих равных условий», в истории, где о равенстве условий не может быть и речи, лишь укрепила позиции работы Рожкова, поскольку поставила использование приемов и методов статистического анализа в зависимость от характера материала и задач исторического исследования.

На страницах своей монографии автор предпринял первую попытку представить академическому сообществу свою, еще весьма далекую от завершения, историко-экономическую концепцию. Концепцию, действие которой выходит далеко за хронологические рамки работы и которая будет интенсивно дорабатываться и шлифоваться им на протяжении последующих лет.

«Программой детального изучения истории хозяйства» назвал ее один из первых его историографов — С.В. Бахрушин, считавший, что она «послужила до известной степени толчком для дальнейших многочисленных работ [по] истории хозяйства»⁷. Добавим, в том числе и последующих исследований самого Рожкова, с одним лишь уточнением — это была программа детального и всестороннего статистического изучения явлений хозяйственного быта. Поскольку, как неоднократно отмечал историк в своих работах, «научно изучить хозяйство можно лишь пользуясь *статистическим* (курсив Рожкова. — Д. М.) методом, заставляя внятно, громко и ярко говорить цифры»⁸.

С 1910 по 1917 г. Н.А. Рожков, по меткому, хотя и не лишённому иронии, замечанию его «собрата по несчастью» В.А. Ватина (Быстрянского), «волею судеб был вынужден отдавать часть своего досуга изучению прошлого далекой сибирской окраины»⁹. Безусловно, оторванность от научных центров, библиотек, архивов, его политическая активность в этот период не могли не сказаться на творчестве Рожкова как историка-экономиста. Но эти обстоятельства отнюдь не прервали разработку фундаментальной темы в его творчестве. Более того, они укрепили его веру в «будущность экономического материализма», которую он усматривал не столько в его теоретическом развитии, сколько в практическом влиянии на историческую работу. Актуальнейшая задача последней — отнюдь не указание на приоритет экономического фактора в историческом развитии, а изучение реальных экономических процессов, будь то на уровне народного хозяйства в целом или хозяйства отдельной местности или области. «Исследование хозяйства дает именно ту нить Ариадны, которая способна вывести и отдельного человека, и ту или иную общественную группу и, наконец, все общество, весь народ, даже человечество из сложного, запутанного лабиринта современной общественности»¹⁰.

В исследовательской программе Рожкова зазвучали и новые, отсутствовавшие в ней ранее, ноты. В ней со всей определенностью стал просматриваться современный интерес к системам (технике) хозяйства, формам землевладения и хозяйства и относительному значению различных видов общественного дохода на том или ином этапе экономической эволюции, т.е. ко всем тем

вопросам, что находятся, на его взгляд, в компетенции экономической истории. Историк стремится выработать исследовательскую программу в области местной экономической истории, мотивированную уже не одним лишь научным, историографическим интересом, но и актуальными проблемами хозяйственной жизни изучаемого региона.

В этом отношении особое место в творческом наследии историка сибирского периода занимает статья «Насущная задача в деле изучения Сибири», в которой ранее выработанные теоретико-методологические установки были использованы им для характеристики современного этапа эволюции сибирской экономики. «Главное, что нужно для того, чтобы приобрести твердую почву в деле познания Сибири, — это определение того типа экономического развития, который свойственен в данный момент отдельным характерным сибирским районам. Только тогда можно будет с научной точностью определить и статистически или, что тоже, математически выразить ту ступень развития, на которой находится народное хозяйство в Сибири»¹¹.

За отсутствием регулярного статистического изучения, «типические особенности» современного этапа хозяйственной эволюции, считал ученый, внимательный наблюдатель «оглянувшись вокруг и присмотревшись к повседневной действительности» в состоянии подметить, руководясь собственным опытом и накопленными знаниями. В качестве такого наблюдателя за «явлениями местной хозяйственной жизни» выступил сам историк, на протяжении года проживавший в одной и той же местности Сибири («средняя полоса Иркутской губернии, лишенная преимуществ, даваемых железной дорогой, но вместе с тем и не таежная, не особенно глухая»¹²) и регистрировавший эти наблюдения.

В поле зрения наблюдателя находился уже известный по предшествующим работам набор историко-экономических параметров, позволяющих охарактеризовать достигнутую ступень хозяйственного развития: сведения о системе или технике хозяйства, о формах землевладения, т.е. отношениях человека к земле как естественному фактору производства, а также о формах хозяйства (способах использования другого фактора — труда). Наиболее пристальное внимание исследователя обращено

на вопросы распределения, а точнее — на относительное значение различных видов дохода крестьянских хозяйств: от земледелия, скотоводства, извоза, сдачи в наем квартир и т.д. Именно структура доходов среднего хозяйства, по мнению историка, наиболее точно отражает соотношение различных отраслей экономики, и, следовательно, позволяет дать полную характеристику типу хозяйственного развития. Определение же «экономического типа данной местности имеет ... большое теоретическое, научное значение: в Сибири живьем наблюдается экономическая формация, в других местах уже отошедшая в прошлое: зарегистрировав ее точно и выразив в математической формуле, мы внесем посильную лепту в будущее построение точной науки о развитии человеческих обществ»¹³.

В упомянутой статье Рожков фактически сформулировал все те вопросы, ответы на которые он спустя полгода будет искать в архивных делах Макаровского волостного правления Киренского уезда.

В январе 1912 г. Н.А. Рожков ходатайствовал перед распорядительным комитетом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества о разрешении ему пользоваться рукописями, хранящимися в музее отдела¹⁴. Заручившись разрешением, с непременным условием опубликовать реферат или полный текст своей работы на страницах издававшихся ВСОИРГО «Известий», он приступил к работе в музее, где его внимание привлекли дела Макаровского волостного правления Киренского уезда, заключавшие, по его словам, «материал, важный для изучения истории народного хозяйства»¹⁵.

Свою работу, разбор которой нам еще предстоит, Рожков начнет со знакомства читателя с техникой архивной работы. Той «черной, предварительной» работы по хронологическому подбору материалов, нумерации дел и листов в них, составлению описи дел с указанием содержания заключенного в них материала, что потребовала значительных усилий и почти девятимесячного труда от квалифицированного подготовленного специалиста. Но которая сделала сырой материал удобным для научного использования. В подобном вступлении можно увидеть упрек, брошенный «профессионалом» по существу «любителям местной истории», составлявшим основной контингент местных

научных институций (Губернской архивной комиссии и ВСО-ИРГО), сосредоточивших усилия на поиске древних архивов, «куриозитетов» в них, и проявлявших гораздо меньший интерес к материалам минувшего XIX столетия. Практически не уделявших внимания вопросам научного осмысления (описания и использования) архивных материалов и довольствовавшихся формированием источниковой базы (комплектованием) и, в лучшем случае, публикацией отдельных документов.

Рожков фактически формулирует задачу актуализации архивных документов, что очень ярко проявилось в стремлении использовать их не как источник изучения событийной, политической и церковной, а, прежде всего, экономической истории региона. «Местная история почти не изучена, а между тем ее изучение способно дать выводы высокой научной важности, способствовать установлению общих законов развития демократических колониальных стран. Экономический быт местного населения не изучен, а исследование его в высшей степени важно и в научном и в практическом отношении»¹⁶.

Указанное впечатление усиливается после знакомства с опубликованной им на исходе 1912 г. статьей «Дней минувших анекдоты и история Сибири»¹⁷. Свою обширную по газетным меркам работу он начинает с категоричного утверждения об отсутствии научной истории Сибири: «Самое большее, что имеется, это — сырые материалы, в небольшой лишь своей части приведенные в некоторый элементарный порядок...»¹⁸. А между тем, на взгляд историка, сложились все необходимые предпосылки для ее написания, причем не с опорой на легенды или предания, а по документальным материалам — «самому достоверному источнику, какой только может быть»¹⁹. Значительный массив архивных документов важных для истории Сибири хранится и ждет своего исследователя в столичных древлехранилищах, но, подчеркивает Рожков, «...и на месте, в самой Сибири, существует множество документальных исторических источников. В волостных правлениях хранится много старых бумаг, очень ценных с исторической точки зрения. Особенно важны эти архивы для изучения хозяйственной истории Сибири — этого фундамента, на котором только и можно построить научное историческое здание»²⁰.

Склонность Рожкова к новаторским архивным разысканиям в соединении со значительным элементом современности в поиске методов и обобщениях нашли выражение в сформулированных им выводах о теоретической и практической значимости изучения делопроизводственных записей, сохранившихся в волостных архивах, в качестве источников информации о широком спектре социально-экономических процессов и институтов в местной истории. На взгляд ученого, лишь изучение хозяйственного прошлого Сибири позволяет выйти за узкие пределы событийного ряда, прийти к «...ценным общим не только историческим, но и социологическим выводам, — к тем высшим научным обобщениям, которые составляют конечную цель науки и делают научное знание источником величайших умственных наслаждений. Только при свете этих высших обобщений мы простимся с анекдотом и обретем историю»²¹.

Уже отмеченное выше стремление Н.А. Рожкова выработать исследовательскую программу в области местной экономической истории, мотивированную не одним лишь научным, историографическим интересом, но и актуальными проблемами хозяйственной жизни региона, воплотилось в формулировке практической значимости предпринятого им изучения волостной статистики. «Только научно поняв прошлое, мы сможем, как следует, разобраться и в настоящем, мы широко и глубоко истолкуем смысл и значение современной эпохи, переживаемой Сибирью, установим не на песке, а на прочном основании научного исследования, какой именно момент исторического развития переживает теперь Сибирь, и, следовательно, каковы жизненные задачи, стоящие на ближайшей очереди в сибирской жизни»²². Финальным аккордом этих размышлений историка о высокой научной и практической значимости материалов сельских архивов в деле познания истории стал призыв к «местным ученым обществам» приложить максимум усилий к их сохранению, а, главное, к их скорейшей научной разработке. «Тогда и только тогда, — подчеркивает Н.А. Рожков, — они выполняют действительно ценную, поистине культурную работу на пользу местного населения»²³.

Через три месяца после опубликования статьи, Н.А. Рожков (вновь высланный в начале 1913 г. на север Иркутской губер-

нии) завершает обработку собранных в Иркутске материалов. В своем письме к жене З.П. Рожковой, отправленном из села Нижнеилимского 18 марта, он пишет: «Сегодня же отсылаю ... оконченную мною специальную работу для “Трудов восточно-сибирского отдела геогр[афического] Общества”, издаваемых в Иркутске»²⁴. И хотя уже 15 мая Распорядительный комитет ВСОИРГО заслушивает сообщение своего председателя Н.Н. Кармазинского о получении отделом 70-ти страничной рукописи Рожкова «Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века» и поручает Ф.Г. Ширяеву просмотреть ее на предмет возможного опубликования на страницах издаваемых отделом «Известий»²⁵, лишь на исходе 1913 г. принимается решение о включении работы в 44 книжку журнала²⁶.

Свою новую работу Рожков начинает с раздела «Источники», в котором выдвигает аргументы в защиту своего видения проблемы достоверности волостных дел как источника информации о хозяйственной истории Сибири. Поскольку же «основой для изображения экономического быта являются обыкновенно статистические цифры, а цифры эти в данном случае принадлежат волостной статистике», ученый ставит вопрос о достоверности данных последней²⁷.

Подобное начало является как бы ответом оппонентам, отрицавшим, в силу недостоверности исторической статистики, продуктивность нового метода исследования, основанного на статистической обработке архивного материала. Будучи историком, а не экономистом, для ответа на этот вопрос он использует инструментарий историка, привыкшего проверять свои аргументы главным образом путем аналитических рассуждений. И эти рассуждения приводят его к весьма важному методологическому заключению, что достоверность исторической (волостной) статистики повышается по мере «удаления вглубь прошлого», а погрешностей в ее данных не больше, чем в статистике современной. Предъявлять же к исторической статистике те же требования, что и к современной, задачи, приемы и методы которой «расширились и усложнились соответственно усложнению самой экономической жизни»²⁸, было бы, на его взгляд, неверно.

Первый раздел работы решает, однако, еще одну и не менее важную задачу. Он знакомит не только читателя, но и возможного исследователя с тем, какую информацию о хозяйственном прошлом тот может получить, обратившись к волостному делопроизводству. Если в XVIII и начале XIX вв. документы фиксировали сведения лишь о размерах посева и урожая хлебов и трав, вновь распаханной земли, количестве скота и убитого зверя, стоимости последнего и местных ценах на важнейшие виды товаров, то уже с сороковых годов XIX в. в отчеты волостной администрации «вносятся малейшие изменения в составе населения, в хозяйственном его положении, в делении его на сословия и классы, данные о торговле, обложении налогами и повинностями, о количестве мостов, перевозов и гатей, о числе мельниц и проч. и проч.»²⁹. Перечень, составленный Рожковым, призван уничтожить последние сомнения, как в правомерности, так и актуальности обращения науки к делам волостных правлений как источнику информации о местной экономической истории.

В основном тексте статьи Рожков реконструирует статистику³⁰, характеризующую территорию Макаровской волости Киренского уезда и ее население с 1768 по 1871 г. Восстановленная исследователем картина административной истории исследуемой территории в указанный период поставила перед ним важный вопрос об экономических причинах, приведших к формированию волости в ее сложившихся границах за счет объединения ранее существовавших административных единиц и территорий. Анализ же рядов статистики численности населения, составленных по весьма разрозненным цифровым данным, ценен не только своими непосредственными результатами (определением абсолютных размеров численности населения, уровня рождаемости и смертности, оценкой прироста населения за счет «внешних» и «внутренних» факторов, получением сведений о половозрастной и сословной его структуры, соотношении производительного и непроизводительного населения и др.), но и результатом «побочным» — постановкой вопроса о необходимости в ходе дальнейшего изучения объяснить «прирост населения и изменения в нем... внутренними... хозяйственными условиями»³¹.

В последующих разделах работы Н.А. Рожков воссоздает также исторические статистические ряды: цен на деньги, землю,

продукцию сельского хозяйства, рыболовства и охоты, рабочую силу; количественных показателей продукции земледелия, скотоводства, звероловства и ремесла. Реконструирует статистику торговли, доходов и расходов населения, т.е. стремится собрать воедино целый ряд критериев экономической активности местного населения и ее эволюции, объединяющим понятием для которых позднее станет конъюнктура.

Особое место в работе должен был занять раздел, посвященный бюджету населения Макаровской волости, ибо по мысли историка, структура доходов, отражаемая им, наиболее точно говорит о соотношении различных отраслей экономики, позволяет едва ли не исчерпывающе охарактеризовать тип хозяйственного развития региона. Однако, натуральный характер хозяйства, тот факт, что «доход от земледелия и скотоводства потреблялся натурой самим населением», позволил набросать самую «общую, суммарную картину», которая, впрочем, позволила «учесть значение целого ряда хозяйственных явлений, не нашедших себе места в предшествующем изложении»³² — доходы от ямской гоньбы, перевозки кладей и тяги судов и др.

И все же историк не отказывается от выработанной программы исследований. Реконструируемую статистику он настойчиво соотносит с присущими местному хозяйству «системами и техникой земледелия и скотоводства», способами организации промыслового предпринимательства и торговли, меняющимся хозяйственным значением «обрабатывающей промышленности» (металлообработки, мукомольного производства) и т.д.³³

Однако в ходе анализа статистических рядов даже не это соотнесение представляется важным историком. А потому столь несоизмеримыми с проделанной работой по воссозданию исторической статистики представляются весьма скудные выводы, которыми завершает он каждый раздел своей статьи. Исследователь нередко и сам поддерживает в читателе сомнения — не являются ли «численно-выраженные факты» лишь формой изложения, а не методом анализа? — признаваясь на страницах статьи, что публикуемые им результаты могли быть получены и другим, более простым путем. «У нас нет недостатка и в прямых свидетельствах источников об этом»³⁴ — резюмирует ученый, словно бы кропотливая работа по реконструкции об-

ращенных в прошлое статистических рядов проделана... ради самих рядов.

Но это не так. Интуиция исследователя подсказывает ему, что создаваемая им история — это история движения, история изменчивости, история сдвигов в структуре экономики, наконец, история кризиса («регресса», «упадка»). Можно, конечно, определить характерные особенности хозяйства в различные исторические периоды, как это делает традиционная историко-экономическая наука, но нельзя понять причины изменений, происходящих в экономике во временной динамике. Однако стоит только «наложить» полученные статистические ряды друг на друга, как «высветятся» переломные точки в хозяйственном развитии исследуемого региона, отчетливее станут видны тенденции, получают ответ многие возникшие по ходу исследования вопросы.

Историк, таким образом, применяет простейший из выработанных к тому времени статистической наукой и практикой статистических приемов анализа, призванных «уловить закономерности и причинные зависимости» — «сравнения рядов цифр, изображающих различные признаки, находящиеся или предполагаемые находящимися между собою в какой-либо причинной зависимости и уловления могущего оказаться в колебаниях или иного рода изменениях параллелизма или антагонизма»³⁵.

Н.А. Рожков отмечает два таких переломных момента в экономической истории Макаровской волости. Первый пришелся на самый конец XVIII в. и первое десятилетие века XIX — сравнительный анализ статистических рядов зафиксировал нарастание кризисных явлений в экономике региона: «территория делилась на пять малых волостей, разрозненных между собою, необъединенных; рост населения шел туго, процент непроизводительного населения был высок, земледельческая техника низка, ... караванная система торговли ... перестала уже удовлетворять в достаточной степени потребности»³⁶.

В полном соответствии со своей историко-экономической концепцией именно в характере последней (т.е. торговли, обмена), Рожков усматривал «наиболее уязвимый пункт всей хозяйственной организации региона»³⁷. В начале следующего десятилетия в характере торговых отношений наблюдаются су-

ществленные изменения. Дороговизна доставки хлеба из губернского центра передвигает хлебные рынки ближе к изучаемому району. Торговля приобретает более крупные формы благодаря появлению торговых посредников-скупщиков, действующих уже не вдали от волости, а на образовавшихся местных ярмарках. Последнее обстоятельство благотворно сказывается на экономике волости: растут абсолютные показатели развития отраслей, снижаются цены, начинается формирование подлинно товарного хозяйства с обширным рынком, что приводит, в конечном итоге, к административному оформлению волости в ее современных границах.

В 40-х гг. XIX в. беспристрастная статистика (а вслед за нею и исследователь), отмечает наступление нового кризиса, коснувшегося всех сфер хозяйственной жизни, негативно отразившегося на соотношении доходов и расходов местного населения, что привело к значительной его задолженности. Причину этого кризиса Н.А. Рожков усматривал в крепостном праве, а точнее — в специфике его проявления в Сибири, где крестьяне, в том числе рассматриваемой волости, в качестве крепостных государства были прикреплены к земле и тяглу, что «порождало вредную опеку», сдерживало развитие прогрессивных капиталистических отношений, уже готовых «вселиться в самые недра деревни»³⁸.

Можно оспаривать справедливость выводов, к которым приходит в конце своего «историко-статистического» исследования автор, предъявлять претензии к его конкретным расчетам (например, «цен на деньги»), однако, даже на невысоком уровне как исторических, так экономических, обобщений, попытка предложить метод, способный расширить понимание исторической эволюции хозяйственных процессов, должна быть признана значительным достижением отечественной экономической историографии начала века. Как и то, что метод использования количественных показателей, сопровождающийся статистическим анализом устремленных в прошлое динамических рядов, был использован для местного, локального понимания явлений хозяйственной жизни.

Работа Н.А. Рожкова в составе 44 тома «Известий ВСОИРГО» увидела свет лишь в первые дни 1915 г. (В самом начале этого

года Н.А. Рожков покинул Иркутск, куда ненадолго заедет лишь в 1917 г. накануне возвращения в европейскую часть России.) «Историко-статистическое исследование» Рожкова, однако, начало жить самостоятельной жизнью задолго до выхода в свет книжки журнала, благодаря оттискам, традиционно печатавшимся небольшим тиражом для нужд авторов (нередко за их счет). Уже в марте 1914 г. текст статьи обильно цитируется одним из участников дискуссии, развернувшейся на страницах газеты «Сибирь». Исторические параллели, которые проводит в своей работе Н.А. Рожков между экономической историей Сибири и европейской части страны, стали едва ли не решающим аргументом в защиту вывода об отсутствии у Сибири своеобразного, отличного от российского пути развития, неизбежности становления капиталистических институтов и на этой окраине России³⁹.

В мае все того же 1914 г. небольшой рецензией на «брошюру» Рожкова в «Русских ведомостях» откликнулся давний оппонент его историко-экономических построений (и также ученик В.О. Ключевского) А.А. Кизеветтер, вне всякого сомнения, получивший оттиск непосредственно от своего бывшего коллеги. Ограничившись кратким пересказом «полного интереса» содержания «очерка», рецензент счел необходимым подчеркнуть, что само его появление — «отрадное доказательство того, что, и, будучи заброшен суровой судьбой в далекую Сибирь, в обстановке, крайне неблагоприятной для ученых занятий, Н.А. Рожков со свойственной ему энергией и силой характера не оставляет исследовательской деятельности в области русской истории»⁴⁰.

Куда более содержательной оказалась рецензия В.А. Ватина (Быстрянского), опубликованная в издававшемся в Иркутске журнале «Сибирский архив». Ее автор, и сам немало потрудившийся на ниве сибирской историографии, был солидарен с Рожковым в оценке состояния последней: «истории Сибири как научной дисциплины еще не существует, имеются только груды сырого материала, не только не обработанного, но даже не систематизированного». Ватин воспользовался появлением статьи Рожкова как поводом для размышлений о завоевавшем себе права «гражданства в современной историографии», в среде «чистой науки», материалистическом понимании истории. Однако, на взгляд рецензента, экономическое направление в историографии

Сибири, в силу сложности самого предмета изучения, испытывает острый дефицит исследователей, получивших «серьезную научную подготовку», а не дилетантов от науки, не имеющих «понятия о задачах историографии и методах исторического изучения». Сумел рецензент оценить и тот факт, что Рожков своей работой далеко выходит за узкие рамки местной исторической практики, поскольку «не ограничивается приведением нового и ценного материала, а дает ему научную обработку»⁴¹.

Сосредоточив внимание на конечном, с точки зрения традиционной историографии, результате такой «научной обработки» — интерпретации конкретных тенденций, их значения и причин возникновения, В.А. Ватин (как, впрочем, до него и А.А. Кизеветтер), практически проигнорировал, однако, то, чем преимущественно и ценна работа Рожкова: источниковой и источниковедческой стороной процесса познания местной экономической истории, используемыми в ней приемами и методами выявления тенденций в хозяйственном развитии региона, а также обобщениями, полученными в результате анализа цифровых данных.

Рожков стремился заставить «внятно, громко и ярко говорить цифры» волостной статистики, а выводимые им «формулы», призванные отразить характер изучаемого периода хозяйственной эволюции региона, носили скорее описательный, нежели интерпретационный характер. Не случайно завершающий раздел работы посвящен им был «окончательному обобщению конкретного материала, сведенного и систематизированного в предшествующем изложении». Поиск же причин и значения кризисных явлений в экономике региона в прошлом, не имея самостоятельного значения, велся с использованием опыта прежних историко-экономических построений, столь ценимого историком метода аналогий.

Упрек рецензента в слабом привлечении «к освещению разработанного... архивного материала литературы по истории Сибири»⁴² не учитывает не только задач, которые ставил перед собой Рожков, но и локального масштаба исследования, для характеристики которого вполне уместно название экономической истории «снизу». Именно к необходимости различать в еще только пишущейся истории Сибири два похода призвал историк в своем «Историческом эскизе», опубликованном

на страницах омского журнала «Сибирский студент» в 1915 г. Один — это «взгляд с птичьего полета», благодаря которому «достаточно ясно выступают и обрисуются основные, главные черты, выдвигающиеся в общей перспективе на первый план». При котором, однако, «сгладятся и потускнеют многие отдельные подробности, сами по себе немаловажные, которые нельзя игнорировать», столь актуальные в рамках второго подхода — «детального изучения» сибирской истории⁴³. Образец которого ученый продемонстрировал своим «историко-статистическим исследованием».

После выхода в свет этого небольшого очерка Н.А. Рожков больше не обращался к проблемам сибирской истории, чему в немалой степени «способствовали» предсказанные им «грядущие великие перемены, освежающее веяние которых уже сквозит сквозь кровавый туман»⁴⁴, вовлекшие историка, да и науку в целом, в свой круговорот.

Примечания

¹ Корзун В.П. Исторические взгляды Н.А. Рожкова // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 124–146.

² Рожков Н.А. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. О.В. Волобуев, сост., автор коммент. А.Ю. Морозов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 736 с.

³ Мы имеем в виду книжный «формат» переиздания. Что же касается «формата» журнального, то следует упомянуть предпринятое нами переиздание на страницах журнала его брошюры «Эволюция хозяйственных форм» (СПб., 1905) (см.: Рожков Н. Эволюция хозяйственных форм // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 6. № 2. С. 161–187).

⁴ Волобуев О.В. Н.А. Рожков: историк и политика (к 140-летию со дня рождения) // Отечественная история. 2008. № 6. С. 88.

⁵ См.: Волобуев О.В. Николай Александрович Рожков // Рожков Н.А. Избранные труды... С. 18–22.

⁶ Веретенников В. К вопросу о методологических приемах при разработке цифрового исторического материала // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 1. С. 120.

⁷ Архив РАН. Ф. 624 (С.В. Бахрушин). Оп. 1. Д. 409. Л. 14.

⁸ Рожков Н. К вопросу о делении Забайкалья на хозяйственные районы // Забайкальский хозяин. 1915. № 15. С. 1.

⁹ Сибирский архив. 1915. № 7–9. С. 426.

¹⁰ Рожков Н. К вопросу о делении Забайкалья ... С. 1.

¹¹ Рожков Н. Насущная задача в деле изучения Сибири // Обская жизнь. 1911. 31 июля. С. 2.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293 (Восточно-Сибирский отдел русского географического общества). Оп. 1. Д. 338. Л. 25.

¹⁵ Там же.

¹⁶ [Рожков Н.А.] Высшее заведение в Иркутске // Молодая Сибирь. 1912. 31 окт. С. 1.

¹⁷ Поводом к ее написанию и знакомству читателей с промежуточными результатами собственной работы с архивными материалами послужила публичная лекция В.И. Анучина — красноярского историка и публициста, участника ряда научных экспедиций — «Сибирь в ее прошлом и настоящем», состоявшаяся 15 декабря под эгидой местного отдела географического общества.

¹⁸ Ломзин К. [Рожков Н.А.]. Дней минувших анекдоты и история Сибири // Новая Сибирь. 1912. 25 дек. С. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 4.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 546 (Н.А. Рожков). К. 22. Д. 14. Л. 9.

²⁵ ГАИО. Ф.293. Оп. 1. Д. 367. Л. 1.

²⁶ Там же. Л. 20.

²⁷ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макаровской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века // Известия ВСОИРГО. Т. 44. Иркутск, 1915. С. 40.

²⁸ Там же. С. 41.

²⁹ Там же. С. 42.

³⁰ Выше мы привлекли внимание к той предварительной архивной работе, которую довелось проделать Рожкову и о которой он упоминает в начале своей статьи. К сожалению, вне поля зрения читателя остаются, как правило, усилия, прилагаемые историком для «производства» данных, которому «приходится предварительно самому собрать весь необходимый для этой цели материал, постоянно преодолевая массу различных трудностей ... , путем различных остроумных комбинаций выводить самому статистические цифры, которые могли бы помочь осветить тот или другой вопрос» (Любович Н. Статистический метод в приложении к истории // Варшавские университетские известия. 1901. Кн. 9. С. 2–3).

³¹ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 52.

³² Там же. С. 82.

³³ Уже эти «скромные синтетические суждения, всегда открывающие что-нибудь новое» статистическая наука тех лет считала серьезным достижением в деле применения количественных методов в общественном знании, справедливо полагая, что «накопление фактов — необходимое условие существования наблюдательной науки; обзор этих фактов невозможен без апостериорного синтеза, без сложения этих фактов. Задача статистики познакомить с действительным состоянием человеческого общества, т.е. массы людей, человеческих действий и их результатов. Но эту социальную массу нельзя наблюдать, не расчленив ее на элементы. Элементы сосчитываются, признаки этих элементов измеряются и в результате получают определенные итоги, относящиеся к определенным рамкам времени и места» (Фортунов А. Количественный анализ в общественном знании // Народное хозяйство. 1900. Кн. 1. С. 18).

³⁴ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 70.

³⁵ Кауфман А.А. К вопросу о приемах историко-экономического изучения писцовых книг // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3–4. С. 172. Нередко можно встретить утверждение, что метод использования количественных показателей, не сопровождающийся, например, анализом репрезентативности выборки или характера распределения данных, не является в строгом смысле слова статистическим подходом к материалу. В этом отчетливо проявляется так называемый «презентизм», т.е. модернизация прошлого науки. В историю науки, используемых ею методов, входят и ее источники, ее предыстория, когда использование таких простейших количественных характеристик как среднее арифметическое или группировка признаков, бесспорно, свидетельствовали об осуществлении статистического анализа изучаемого исторического явления.

³⁶ Рожков Н.А. К истории народного хозяйства в Сибири ... С. 87–88.

³⁷ Там же. С. 88.

³⁸ Там же.

³⁹ П. С-ъ. Необходимое объяснение (Ответ г. Irridensy) // Сибирь. 1914. 25 марта. С. 2. Поводом для полемики стала публичная лекция известного экономиста П.П. Маслова «Сибирь в прошлом, настоящем и будущем», прочитанная 11 марта в Иркутске по инициативе просветительских обществ города. Ряд ее положений вызвал неприятие со стороны «областных историков» настроенной части местной интеллигенции (выразителем этих настроений стал укrywшийся за псевдонимом Irriden's И.Г. Гольдберг).

⁴⁰ Русские ведомости. 1914. 14 мая. (№ 110). С. 6.

⁴¹ Сибирский архив. 1915. № 7–9. С. 426–427.

⁴² Там же. С. 428.

⁴³ Рожков Н. Исторический эскиз // Сибирский студент. 1915. № 1–2. С. 83.

⁴⁴ Там же. С. 84.